Ahnenerbe, «Ретра и Аркона, два славянских святилища в Германии» (1936)

«Впервые на немецкой земле были заложены основы научной реконструкции древнеславянского храма. И каким величественным должно было являться это древнее святилище. Храм стоял на самой высокой точке крепости. От него местность плавно переходила в крепостной вал. С любой точки внутри было видно, как жрец, отчитав службу, выходил из храма с большим Божественным рогом в руке, как он наполнял его медом, выпивал одним махом, а затем обращался к народу, поучал, пророчествовал и воодушевлял его!»

Уникальная заметка из официального печатного органа Аненербе о ранних поисках и раскопках древних славянских святилищ на северо-востоке Германии, где существовал культ бога войны Святовита.

Надо признать, что Аненербе и другие ведомства вели «академическую борьбу» с теми же поляками — те старались утвердить право на земли вплоть до Берлина, до Эльбы и Одера, уповая на их заселение славянами, а немцы же доказывали, что германцы являлись первыми поселенцами и оставили более ранний культурный слой. Тем не менее, вопреки распространенному мнению, при национал-социалистическом режиме вовсе не скрывалось ни влияние славян на этногенез немецкого народа, ни само по себе происхождение культовых сооружений. Рекомендую к прочтению заметку Йоханна фон Леерса («Rassengeschichte des deutschen Volkes») и Генриха Гиммлера («Die Schutzstaffel als antibolschewistische Kampforganisation»).

Источник: Krueger Alb. G. ᛦ «Rethra und Arkona, die beiden slawischen Heiligtümer in Deutschland», официальный печатный орган Аненербе «Germanien: Monatshefte für Germanenkunde zur Erkenntnis deutschen Wesens» под кураторством Рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, выпуск №9, 1936 год.
Перевод: Neues Europa (t.me/neues_europa)
https://telegra.ph/Ahnenerbe-Retra-i-Arkona-dva-slavyanskih-svyatilishcha-v-Germanii-1936-09-23

Ahnenerbe, «Ретра и Аркона, два славянских святилища в Германии» (1936)

Этот отчет о двух раскопках Шухардта показывает, как лопатой можно справиться с порученной работой. Мы приводим рассказ автора, к сожалению, недавно умершего, без каких-либо существенных дополнений, но в примечании указываем на ошибку.

Господство славян в северо-восточной Германии продолжалось примерно с VII по XII век. До этого на протяжении 2000 лет здесь селились великие свевские народы, лангобарды и семноны, а дальше на север, на берегах Балтийского моря, поселились вандалы, бургунды и готы. От Эльбы до окрестностей Варшавы их следы отчетливо видны в курганах, лужицкой керамике и, местами, в великолепных жилищах. Когда основная часть этих германских народов окончательно повернула на Юг и население страны стало редеть, славяне двинулись с Востока. Не как завоеватели, а медленно и незаметно, как это у них заведено!

Наиболее примечательными памятниками этого славянского периода являются круглые валовые укрепления (нем. Wallbefestigungen), возвышающиеся во многих местах между Эльбой и Одером. Только в марке Бранденбург их насчитывается 400-500. Славянское происхождение этих стеновых укреплений было установлено ещё Рудольфом Вирховым. Но их значение долгое время оставалось спорным. В книге д-р Вербла (1887), посвященной этим валовым укреплениям, все они без исключения названы «святилищами». Во время ритуала, проводимого жрецами на алтаре в центре этих круглых валов, автор рассаживает участников церемонии вокруг стены, как будто в римском амфитеатре. Это несколько надуманное объяснение, тем более что во время раскопок никогда не удавалось даже приблизительно определить местоположение алтаря, который, несомненно, был бы сделан из камней. Такие раскопки требуют много времени и терпения, а также, как правило, приносят очень мало хороших результатов для коллекций. Обычно находят лишь несколько черепков.

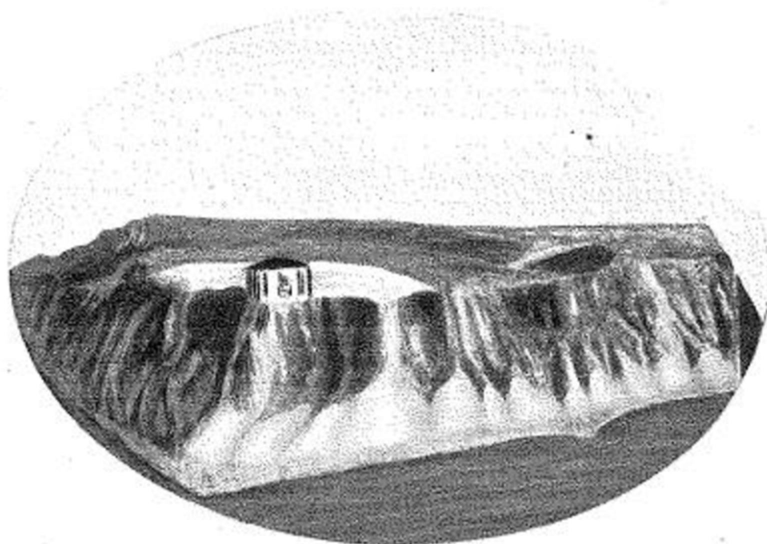
Поскольку во всех существующих документах говорится о местах расположения храмов, ошибка, согласно которой эти круглые валы рассматриваются как места храмов, объяснима. Долгое время мнения колебались в разные стороны, пока Шухардту не удалось прояснить хотя бы основные вопросы. Он установил следующее:

1. Окружающая стена изначально не имела той округлой, мирной на вид формы, которую она имеет сегодня, а представляла собой настоящее военное укрепление из дерева и глины на каменном фундаменте. Так что сооружение соответствовало не святилищу, а настоящей крепости!

2. Внутреннее пространство, куда ведут только единственные ворота, имеет следы домов, которые всегда располагались вдоль стены, оставляя в центре свободное пространство – крепостной двор. Таким образом, эти славянские круговые валы, очевидно, являются остатками небольших усадеб, поскольку в таком виде мы встречаем их также у германских народов того времени в северо-западной Германии и Голландии, и которые, видоизмененные в ту или иную сторону, существовали на протяжении всего Средневековья! —

Однако, во всех славянских легендах упоминаются только два святилища: Ретра, которая, по-видимому, была общей святыней всех лютичей между Эльбой и Одером на протяжении многих веков, и Аркона на острове Рюген, вобравшая в себя то, что осталось от Ретры после того, как та пала жертвой христианства, надвигавшегося с юго-запада.

Ретра и Аркона были святыми местами, где правила не светская власть, а жречество. Оно высказывало пророчества, решало вопросы войны и мира и всегда получало самую драгоценную часть трофеев после победоносной войны!

Реконструкция храма Арконы

Храмы подробно описаны в древних источниках. Мы узнаем, что это были большие деревянные здания с огромной статуей главного бога посередине и рельефными изображениями других богов на стенах. В Арконе стоял образ Свентовита [иначе - Святовита, Световида, прим. NE] между четырех столбов за тканевым занавесом, а его ноги были глубоко укоренены в земле. Бог изображался с четырьмя головами, в знак того, что он мог видеть во все четыре стороны. В Ретре главного бога называли «Сварожич» («Suarosich»), как сына «Сварога» («Suarogs»), по традициям Руси, имя которого до сих пор сохранилось в мекленбургских и силезских словах «Swark» или «Schwark», что означает «грозовая туча»! В главном храме Штеттина, возвышавшемся на самой высокой точке города, находилось изображение бога «Dreikopf» («Триглав»). —

[Примечание автора: В действительности Swark - древнесаксонское слово и встречается уже в Гелианде; от него же происходит и biswerkan - "застилающий небеса" ("das Himmel verdüstern"). Возможно индоевропейское родство со славянским "Сварожич" ("Suarosicy").]

Аркона всегда была известна как древнее культовое место. Очень точное описание храма и его разрушения, как и всего культа Свентовита, дает датский историк Саксон Грамматик, который был свидетелем всего этого в окружении великого Вальдемара!

Северная оконечность Рюгена, простирающаяся на Восток небольшим треугольным мысом в сторону моря, отделена от материка высоким валом, высота которого сейчас составляет от 9 до 10 метров, и представляет собой укрепление в форме равнобедренного треугольника с площадью основания 190 метров. По сравнению с другими славянскими стенными укреплениями, высота которых в среднем не превышает 60-70 метров, эта протяженность действительно впечатляет! Но не в сравнении с другими древними постройками. Старые укрепления Семнона, так называемые «Römerschanze» под Потсдамом, представляют собой четвероугольник с глубокими поперечными линиями длиной в 250 метров. А городища саксов времен Карла I, например, Эресбург-ам-Димель (Eresburg am Diemel) и Хоэнзибург (Hohensyburg), и вовсе имеют длину сторон 1000 и 700 метров соответственно.

Благодаря своему живописному расположению, Аркона привлекала множество путешественников. Даже древние историки часто копали здесь землю и находили славянские черепки, древесный уголь и кости животных, которые затем благоговейно уносили домой как «остатки великих жертвенных праздников». Но как на самом деле выглядело святилище во время своего существования, оставалось только догадываться. Никто даже не верил в возможность когда-либо найти настоящие следы всего этого! Ведь все это, в конце концов, было просто деревом и должно было давно сгнить до основания.

Новый доисторический метод работы окончательно покончил с этим ложным убеждением. В ходе раскопок римско-германского пограничного вала «Лимес» («Limes») мы научились достоверно распознавать следы древних построек в верхнем слое грунта под землей. Каждый столб и каждая балка, вдавленные в почву, оставляют в ней полость, которая заполняется черной рыхлой землей, разлагающейся материей, которая и спустя тысячелетия хорошо видна в более светлом верхнем слове почвы.

Таким образом, удалось достаточно точно определить план крупных римских укреплений на Рейне (Neuß, Kanten) и на Липпе (Haltern, Oberaden) со всеми постройками. –

В свете этих результатов Шухардт в 1919 году, так сказать, в качестве прелюдии, более подробно исследовал круглые стены у Ритца (Reetz) в районе Арнсвальде (Arnswalde) и получил уже упомянутые результаты. Вместе со своим прекрасным другом, исследователем Вавилона Робертом Колдевеем (Robert Coldewey), и его сыном он в 1921 году приступил к открытию знаменитой Арконы. В своем докладе Прусской академии наук он говорит о нынешнем состоянии Арконы:

«Крепость сегодня представляет собой треугольник с вершиной, обращенной на Восток, и с основанием, смотрящим на Запад. Длина линии основания составляет впечатляющие 190 метров. Ширина с Востока на Запад составляет 125 метров. Вершина на Востоке представляет собой высокую ровную поверхность. От неё к

Западу местность опускается на 6,5 м к крепостному валу. Площадь крепости находится на высоте 40 метров над уровнем Балтийского моря.

Обрушенные стены на восточном краю открывают в южной части голые меловые хребты внушительной формы. В северной части обрыв сначала менее крутой и становится отвесным только на последних 15 м. Здесь и сегодня течет источник, упомянутый Саксоном, который был заново пробурен двумя скважинами и обеспечивал водой небольшую колонию Арконы в период существования первого маяка.

Бывший внешний ров в стороне западной стены сегодня едва различим. Однако, вдоль стены внутри проходит широкая впадина, как это часто бывает в славянских крепостях, из которой была взята часть материала для возведения стены.»

Вот на этой-то местности и пришлось работать лопатой. Вскоре искатели наткнулись на культурный слой, и выяснилось, что «широкий пояс жилищ со стороны крепостного вала представлял собой крепость». Этот культурный слой, как это всегда бывает в подобных поселениях, можно было узнать по черному цвету почвы. В этом слое находились черепки, кости животных и так называемые «глинобитные стены» («Lehmstacken»), т.е. фрагменты стен из обожженной глины, замешанной с соломой. Время от времени появлялись мелкие железные изделия, такие как очень простой наконечник стрелы и многое другое. Но за все время раскопок не было обнаружено и следа какого-либо драгоценного металла. Это вполне объяснимо: разрушители проделали «тщательную работу». —

Теперь вырисовывалось представление о домах, в которых, вероятно, жили жрецы и временный гарнизон, иногда насчитывавший 300 человек. За ними шла широкая площадь, свободная от какого-либо культурного слоя. Это была площадь, где собирались толпы народа во время религиозных праздников, и, наконец, сам храм, узнаваемый по своеобразным дорожкам, которые тянулись на 20 метров с севера на юг, а затем под прямым углом поворачивали к востоку по обеим сторонам. Это было основание фасада храма, и при ближайшем рассмотрении его конструкция показала, что в некоторых местах он был очень толстым. Три или четыре слоя кремневых и гранитных камней размером с кулак располагались один над другим, а ширина этого слоя достигала двух метров. Теперь раскопки производились внутри храма, чтобы выяснить, можно ли найти и те четыре столба вокруг идола, о которых говорит Саксон.

Это действительно было так, причем в виде фундаментов, подобных тем, которые мы видели для внешних стен храма. Каменные набивки образовали для столбов квадратные поверхности со стороной 1,5 метра, которые, в свою очередь, образовали квадрат длиной 6,5 метра, находившийся на том же расстоянии в 1,5 метра от внешних стен храма. В этой внутренней площади, в Святая Святых, искали следы расположения образа Свентовита. Он также был обнаружен, но не в центре площади, а ближе к задней стене. Здесь стоял огромный деревянный идол Свентовита, глубоко вбитый в землю и зажатый камнями, так что при его разрушении, как сообщает Саксон, его ноги над землей пришлось прорубать кусками, в результате чего огромная статуя рухнула, проломив заднею стену. Сегодня он бы провалился в пропасть, потому что продолжающееся из года в год разрушение крутого берега уже достигло храма и задняя стена уже исчезла. Поэтому давно пора было провести расследование. Но теперь хотя бы можно установить план храма.

Раскопки в Арконе, очевидно, пришлось засыпать заново, как это всегда бывает в таких случаях, поскольку мы имеем дело не с неподвижными стенами, а выкопанный материал быстро выветривается и уносится ветром. Территория, где находился храм, была отмечена кольями, а на месте, где стоял образ, была установлена памятная доска с надписью: «Здесь стоял Свентовит в своем храме!»

Так, впервые на немецкой земле были заложены основы научной реконструкции древнеславянского храма. И каким величественным должно было являться это древнее святилище. Храм стоял на самой высокой точке крепости. От него местность плавно переходила в крепостной вал. С любой точки внутри было видно, как жрец, отчитав службу, выходил из храма с большим Божественным рогом в руке, как он наполнял его медом, выпивал одним махом, а затем обращался к народу, поучал, пророчествовал и воодушевлял его! –

Жрец Святовита, изображённый на священном камне из Арконы (камень сохранился в стене церкви села Альтенкирхен на острове Рюген)

Аркона пала от рук датских христиан в 1168 году как последний оплот славянства в Северной Германии. Ровно 100 лет продолжалось её господство в этом районе, унаследованное от древнего великого святилища,

существовавшего на материке, в среде народов лютичей. И это была Ретра, на землях редарианцев [иначе - ратарей, прим. NE], в нынешнем Мекленбург-Стрелиц!

Ретра, как и позднее Аркона, была центром жреческого правления со знаменитым оракулом, который широко распространял свое влияние и управлял судьбами народов. Это был храм войны всех венедов, т.е. всех славянских народов между Эльбой и Одером. Их воинские знамена хранились в Ретре. Именно отсюда направлялась политическая жизнь страны, решались вопросы войны и мира. Не единожды здесь вспыхивали восстания славян против германского владычества, как, например, в 783 году, когда Мистив, князь ободритов, отправился мстить немцам, или в 1066 году, когда был взят и захвачен архиепископский замок Микилинбург, сам архиепископ Иоганн был взят в плен, доставлен в Ретру и принесен в жертву богу войны.

Нет, все великие бунты всеславянского племени начинались именно с Ретры!

—Но где же находилась эта знаменитая Ретра?

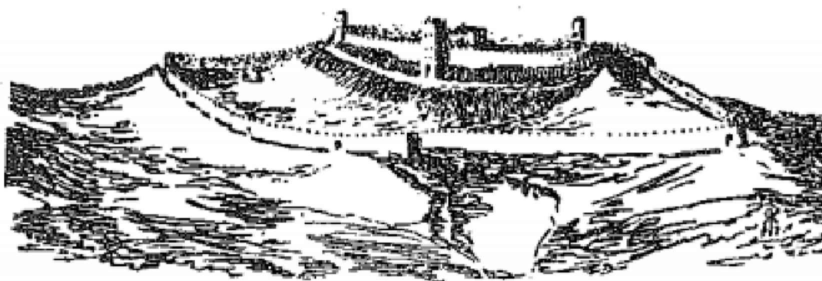
Уже в 1519 году один из профессоров университета Ростока начал поиски этого некогда столь могущественного святилища, название которого даже не сохранилось в стране и местонахождение которого было возвещено народными легендами. Хорошее описание внешнего вида Ретры дает Титмар Мерзебургский, плохое описание встречается у Адама Бременского. Учёные, как это обычно бывает, последовали за болтуном Адамом – и сбились с пути на 400 лет!

Титмар, умерший в 1017 году, был очень опытным человеком своего времени. Имея происхождение из графской семьи фон Вальбек-ан-дер-Аллер, он с детства был близок к славянам. Будучи епископом Мерзебургским, он должен был быть особенно хорошо осведомлен о миссионерской деятельности в славянских землях. А как друг императора Генриха II он принимал участие в нескольких военных походах против поляков, во время которых редарианцы выступали среди помогавших императору народов. В описании одного из таких походов Титмар, рассказывая о сторонников из числа славянских народов и их культе, время от времени упоминает крепость Ретра.

«Ретра», — говорит он, — «в краях редарианцев есть трехрогий замок (нем. ein dreihörniges Schloß), который на Востоке примыкает к озеру, а с Запада окружен могучим лесом. Из трех ворот самые маленькие обращены на Восток, к озеру.»

По словам Адама Бременского, замок со всех сторон был окружен водой, и только один вход вел к нему по деревянному мосту. Кроме того, в замке было девять ворот.

В науке полумеры обычно приносят вред. Отыскав хороший источник, следует постепенно черпать информацию только из него и отбросить все остальное. В то время как большинство людей, вслед за Адамом Бременским, представляли себе Ретру как остров, интерпретировали «trikornis» Титмара как три точки суши на нём и впоследствии тщетно искали древнее святилище во всех озерах Мекленбурга, Шухардт нашел другую и, как выяснилось позже, правильную интерпретацию описания Титмара: во времена Титмара «Urbs» означало укрепленный замок, а не город или район. И когда Титмар говорит о «трехрогом» замке, заключил Шухардт, «cornu» означает не что иное, как высокую башню над воротами. Ведь «tricornis» ни в классической, ни в древней латыни не означало «треугольный». Треугольник обозначался словом «triangulus», возможно, также «trigonus». В связи с этим Плиний иногда использовал термин «tricornis» по отношению к быкам, у которых было три рога. Поэтому Титмар, не лишенный проницательности, также использовал это выражение и для обозначения «трехбашенной крепости» (нем. «dreitürmige Burg»), которая, должно быть, издалека выглядела «трехрогой». –

Das „dreihörnige" Rethra

"Трехрогая Ретра"

После того как Шухардту стал ясен внешний вид старого святилища, а также то, что замок располагался высоко и должен был быть хорошо виден издалека, он осмотрел все места в Мекленбурге, которые, по его мнению, могли претендовать на расположение замка, и, наконец, остановил свой выбор на так называемом «Шлоссберге» близ Фельдберга.

При ближайшем рассмотрении выяснилось, что гора с Востока примыкает к большому озеру Лузин (нем. Luziner See), а с Запада её до сих пор окаймляет полоса леса. Кроме того, он обнаружил, что верхняя плоская часть Шлоссберга, значительно превосходящая по размерам все другие славянские поселения, окружена кольцевой стеной, в которой сразу же можно было обнаружить двое ворот: одни с северной, а другие с южной, более узкой стороны. Третьи ворота он надеялся найти в ходе раскопок, тем более что сходство комплекса с Арконой было безошибочным.

Der „Schloßberg" bei Feldberg

Шлосберг близ Фельдберга

Шлосберг у озера Лузин

Раскопки начались в октябре 1922 года. В ходе раскопок действительно были обнаружены третьи недостающие ворота, которые показались ему поразительно большими. Они начинались у подножия крепостной возвышенности, тянулись вверх и заканчивались внутри крепости. Длина ворот составляла ровно 20 м, а ширина от 4 до 4,5 метров. Эти размеры удалось определить с большой точностью, так как фундамент был сложен из крупной гальки и сохранился на высоте одного метра.

При раскопках в этом месте пришлось копаться в черных, обугленных завалах толщиной в несколько метров, которые, несомненно, образовались в результате возгорания деревянной башни над воротами. Такие же черные обломки были обнаружены и у двух других ворот. Северные ворота были такими же широкими, как и западные, только не такими длинными, около 6-8 м. А вот восточные ворота дали неожиданный результат. Их длина составляла всего 5 м, а ширина - 1,45 м. Именно к этим воротам относятся слова Титмара:

«Tertia porta que minima est, orientem respicit et Tramitem ad mare iuxta positum monstrat!».

(«Третьи, самые маленькие ворота ведут на Восток и указывают путь к близлежащему озеру!»).

Поиски храмовой площадки оказались менее успешными. Ничего не удалось найти ни на южной возвышенности, самой высокой точке комплекса, ни на северной равнинной части. Но в центре комплекса, на линии от больших ворот, наконец, наткнулись на выровненную площадку, выложенную камнями. И можно смело предположить, что храм стоял именно здесь.

В славянских поселениях дома строятся вдоль валов, оставляя в середине, как уже отмечалось, свободное пространство. Так же было и на Шлосберге. Возле восточных и западных ворот были найдены хижины, два особенно больших дома. В любом случае, это остатки жилищ жрецов и помещений для стражи, а также, возможно, здесь хранились драгоценные храмовые сокровища, о которых особо упоминает Саксон Грамматик.

Верхняя крепость, Акрополь Ретры, имела длину 115 метров и ширину 45 метров. Она находилась на высоте 36 метров над уровнем озера Лузин, всего на несколько метров ниже, чем Аркона над уровнем Балтийского моря. Весь интерьер святилища и его поразительное сходство с Арконой особенно бросаются в глаза, если посмотреть на это место со стороны внешнего вала. Этот впечатляющий вал относительно хорошо сохранился. На стороне, обращенной к рву, в некоторых местах всё ещё можно найти каменную облицовку.

На вершине вала наверняка стояла стена из дерева и глины, подобная той, что окружала Акрополь. Во внешней стене также есть трое ворот, которые примерно соответствуют воротам внутренней стены.

Пространство между двумя стенами комплекса Ретры соответствует праздничной площади в Арконе, только оно значительно больше. В Ретре могли собираться тысячи людей, и храм был виден с любой точки.

Grundriß von Rethra

Ретра исчезла ровно на 100 лет раньше Арконы, как показали раскопки. До этого считалось, что годом падения Ретры был 1151 год. Найденные славянские черепки, время которых можно определить практически с такой же точностью, как и даты монет, относятся лишь к середине XI века. В это время (1068 г.) епископ Буркхард Хальберштадтский, будучи предводителем молодого Генриха IV, предпринял большой поход на славянские земли, ставшие враждебными из-за восстания около 1066 г., убийства епископа Иоганна и разрушения его замка Микилинбург.

Буркхард проник в корень зла и сжег Ретру дотла. Он вывел из святилища великого священного коня и вернулся на нём в Саксонию во главе своего войска, чтобы оскорбить языческую веру.

Это покорение Ретры имело решающее значение. С этого времени края редарианцев и толленских славян перестали входить в состав земель лютичей. Этот храм, разрушение которого согласно документам произошло около 1151 года, находился севернее, на другом берегу реки Пены в Лютцкове, в земле цирципанов [племя славян – прим. NE]. Оттон Бабенбергерский, совершавший миссионерские поездки к померанцам и лютичам в 1123/24 и 1128 годах, уже не знает ни Ретры, ни редарианцев, так же как не упоминаются они и в рассказах о крестовом походе саксов против славян в 1147 году. —

На севере, между Пеной и Балтикой, среди живших там цирципанов, предпринимались крестовые походы в 1151 г. Графом Адольфом Гольштейнским и Никлотом, ободритом, причем тогда они разрушили Гуцков, а не Ретру.

Лопата археолога разрешила эти древние исторические споры. Созданный им образ великих славянских святынь не только ясно вырисовывается перед нами, восхищает нас сам по себе, но и указывает нам путь к дальнейшим успешным исследованиям.

Germanien

Monatshefte für Germanenkunde zur Erkenntnis deutschen Wesens

1936 September Heft 9

Germanien Monatshefte für Germanenkunde zur Erkenntnis deutschen Wesens

Gegründet von Professor Wilhelm Teudt

Offizielles Organ des Deutschen Ahnenerbes E. V., Berlin

Vorsitzender des Kuratoriums: Reichsführer SS Heinrich Himmler

Alleinige Zeitschrift der Vereinigung der Freunde germanischer Vorgeschichte e. V., Detmold

---

Hauptschriftleitung: Dr. J. O. Plaßmann, Berlin-Wilmersdorf, Geisenheimer Straße 12
Detmolder Schriftleitung: Detmold, Adolf-Hitler-Damm 12

hausgruppen im Norden zu suchen ist. Unsere Vorfahren lebten auch in anderen Landschaften weiter im Geistesgut ihrer Heimat. Der Schatz der nordischen Gedankenwelten wirkte in ihnen weiter und brachte auch fern der Heimat so herrliche Werke zutage, wie wir sie in jenen Speicherbauten antreffen.

Der zweigeschossige Speicherbau als Ausdruck der Wehrhaftigkeit des freien Bauernstandes fand seine Weiterentwicklung in den sog. Steinwerken der niedersächsischen Gehöftanlage. Das Beispiel des Steinwerkes zu Ottenhausen (Bild Nr. 4) zeigt die überraschende Einstimmigkeit mit den anderen bereits erwähnten Speicherbauten. Auch hier wird das aus Steinen errichtete Erdgeschoß von einem Wehrgang umgeben, und ein hohes, abgewalmtes Satteldach schützt das Gebäude. Auch der Eingang in das Erdgeschoß ist, hier durch ein Kellergeschoß bedingt — das wir vereinzelt übrigens auch bei den Speichern Norwegens antreffen —, durch einen treppenartigen Vorbau zu erreichen.

In einer umfassenden Betrachtung, die das nordische Bauernhaus oder den nordischen Bauernhof als Ausgang sämtlicher nordisch bestimmter Baukulturen zur Darstellung bringt, wird auch dem Speicher seine Bedeutung eingeräumt werden müssen. Die mittelalterliche Wehrarchitektur mit ihren Stadt- und Burgenbefestigungen, ihren Bergfrieden und Torbauten, hat ihren Ausgangspunkt in den Speichern und Steinwerken, den Hofwehren der nordischen Bauern.

Rethra und Arkona, die beiden slawischen Heiligtümer in Deutschland

Von Alb. G. Krueger

Dieser Bericht über die beiden Grabungen von Schuchhardt zeigt, wie hier der Spaten die ihm zugewiesenen Arbeiten zu lösen vermag. Wir bringen die Darstellung des leider jüngst verstorbenen Verfassers ohne wesentliche Zusätze, weisen aber in einer Anmerkung auf einen Irrtum hin.

Die Vorherrschaft der Slawen im nordöstlichen Deutschland dauerte ungefähr vom 7. bis zum 12. Jahrhundert. Bis dahin hatten hier durch 2000 Jahre die Großsuewenvölker, Langobarden und Semnonen, und weiter nach Norden, an dem Gestade des Baltischen Meeres, Wandalen, Burgunder und Goten gesiedelt. Von der Elbe bis in die Gegend von Warschau lassen sich ihre Spuren deutlich in den Hünengräbern, in der Luschitzer Keramik und stellenweise auch in prächtigen Wohnstätten nachweisen. Als dann diese germanischen Völker sich in ihrem Hauptteil endgültig dem Süden zuwandten, die Bevölkerung des Landes spärlicher wurde, drangen die Slawen von Osten her vor. Nicht als Eroberer, sondern langsam und unmerklich, wie es ihre Art ist!

Die bemerkenswertesten Denkmäler dieses slawischen Zeitraumes sind die runden Wallbefestigungen, die sich an vielen Stellen zwischen Elbe und Oder erheben. Allein in der Mark Brandenburg zählt man ihrer 400—500. Der slawische Ursprung dieser Wallbefestigungen wurde schon von Rudolf Virchow festgestellt. Aber ihre Bedeutung blieb lange Zeit streitig. In dem Buche des Dr. Berbla (1887), das diesen Wallbefestigungen gewidmet ist, werden sie alle ohne Ausnahme als „Heiligtümer" angesprochen. Während des von den Priestern vollzogenen Rituals, das an einem Altar in der Mitte dieser Rundwälle vollzogen wird, läßt B. die Teilnehmer der Feierlichkeit rund herum auf dem Wall, gleichsam wie in einem römischen Amphitheater, sitzen. Eine etwas an den Haaren herbeigezogene Erklärung, um so weniger glaubhaft, als es bei Nachgrabungen niemals gelingen wollte, den Platz des Altares, den man doch sicher aus Steinen hergestellt haben würde, auch nur annähernd festzustellen. Solche Nachgrabungen nehmen

viel Zeit und Geduld in Anspruch und bringen gewöhnlich sehr wenig gute Ergebnisse für die Sammlungen. Gewöhnlich findet man nur einige wenige Scherben.

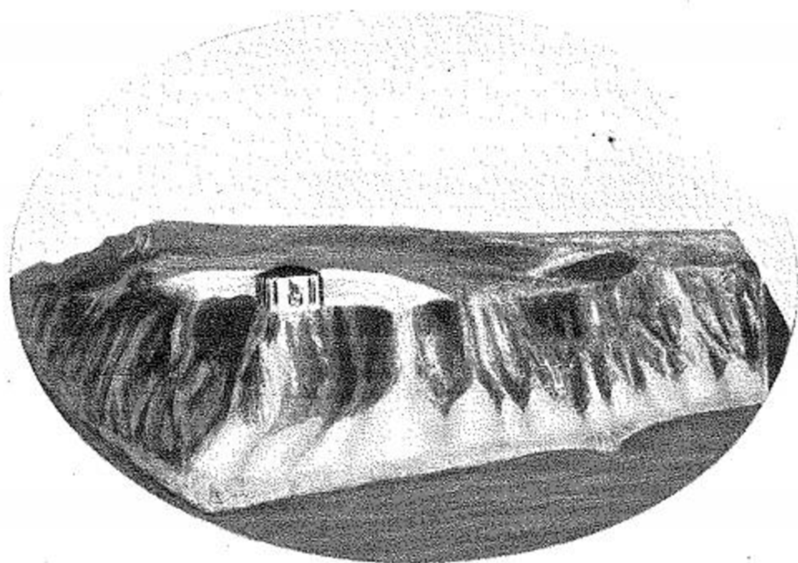
Da nun alle vorhandenen Urkunden von Tempelstätten sprechen, ist der Irrtum erklärlich, der in diesen Rundwällen Tempelstätten sehen will. Lange genug schwankten daher auch die Meinungen hin und her, bis es Schuchardt gelang, wenigstens die Hauptfragen zu klären. Er stellte folgendes fest:

1. Der umgebende Wall besaß ursprünglich keineswegs die rundliche, friedlich anmutende Gestalt, die er heute zeigt, sondern stellte eine wirkliche, kriegerische Befestigung aus Holz und Lehm auf einer Steingrundlage dar. Die Einrichtung entsprach also nicht einem Heiligtum, sondern einer richtigen Festung!
2. Der Innenraum, zu dem stets nur ein einziges Tor führt, weist Spuren von Häusern auf, die stets an dem Wall entlang gelegen waren und in der Mitte einen freien Raum ließen — den Festungshof. Diese Slawenrundwälle sind also augenscheinlich Überbleibsel kleiner Herrensitze, wie sie uns in dieser Gestalt auch bei den Germanen jener Zeit im nordwestlichen Deutschland und Holland begegnen und, in einer oder der anderen Richtung verändert, im Verlauf des ganzen Mittelalters bestanden! —

In allen slawischen Sagen ist aber immer nur von zwei Heiligtümern die Rede: von Rethra, das augenscheinlich das allgemeine Heiligtum aller Lutitscher zwischen Elbe und Oder im Verlauf vieler Jahrhunderte gewesen ist, und Arkona auf der Insel Rügen, das das von Rethra übriggebliebene aufnahm, nachdem dies dem von dem Südwesten herandringenden Christentum zum Opfer gefallen war.

Rethra und Arkona waren heilige Orte, in denen keine weltlichen Gewalten, sondern das Priestertum herrschte. Es äußerte Prophezeiungen, entschied Kriegs- und Friedensfragen und empfing nach einem siegreichen Kriege stets den kostbarsten Teil der Kriegsbeute!

Die Tempel sind in alten Quellen ausführlich beschrieben. So erfahren wir, daß es große hölzerne Gebäude waren mit dem überlebensgroßen Standbild des Hauptgottes in

Rekonstruktion des Arkona-Tempels

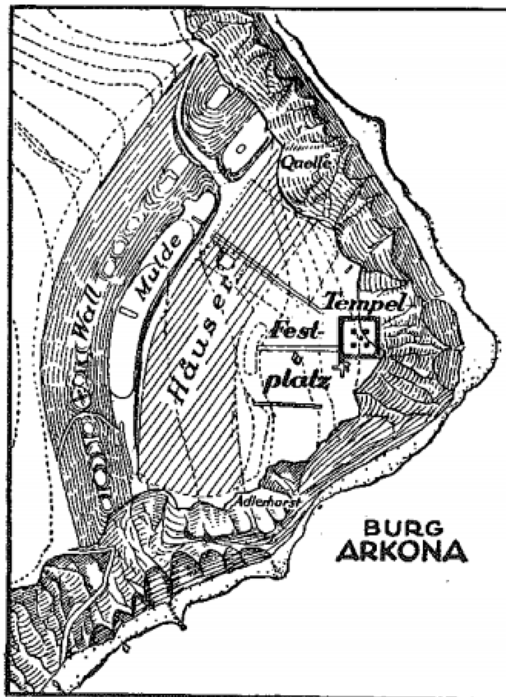
der Mitte und den Reliefbildern anderer Götter an den Wänden. In Arkona stand zwischen vier Pfosten hinter Stoffvorhängen das Bild Swantewits, mit seinen Füßen tief im Erdboden wurzelnd. Der Gott war mit vier Köpfen dargestellt, zum Zeichen, daß er

in alle vier Himmelsrichtungen zu schauen vermochte. In Rethra hieß der Hauptgott „Suarosich“, nach russischen Überlieferungen ein Sohn „Suarogs“, dessen Name sich bis heute in dem mecklenburgischen und schlesischen Worte „Swark“ oder „Schwark“ erhalten hat, das „Gewitterwolke“ bedeutet[1]. In dem Haupttempel zu Stettin, der sich auf der höchsten Stelle der Stadt erhob, stand das Bild des Gottes „Dreikopf“. —

Arkona war als alte Kultstätte immer bekannt. Eine sehr genaue Beschreibung seines Tempels und seiner Zerstörung wie des gesamten Swantewitkultes gibt der dänische Geschichtsschreiber Saxo Grammatikus, der im Gefolge des großen Waldemar jedenfalls die ganze Sache miterlebt hat!

Die Nordspitze Rügens, die sich gen Osten in einer kleinen, dreieckigen Landspitze gegen das Meer zieht, wird von dem Festlande durch einen hohen Wall geschieden, der jetzt noch eine Höhe von 9 bis 10 Meter aufweist und solchergestalt eine Festung in Form eines gleichschenkligen Dreiecks mit einer Grundfläche von 190 Meter darstellt. Im Vergleich mit den übrigen slawischen Rundwällen, die im Durchschnitt nicht mehr als 60 bis 70 Meter aufweisen, ist diese Ausdehnung immerhin eine recht achtunggebietende! Nicht so im Vergleich mit anderen alten Stätten. So stellt die alte Semnonenbefestigung, die sogenannte „Römerschanze“ bei Potsdam, ein schiefes Viereck dar mit Querlinien von 250 Meter. Und die Stätten der Sachsen zur Zeit Karls I., z. B. Eresburg am Diemel und Hohensyburg haben sogar eine Seitenlänge von 1000 bzw. 700 Meter.

Dank seiner malerischen Lage wurde Arkona von vielen Wanderern besucht. Auch Altertumsforscher gruben dort oft, fanden slawische Scherben, Holzkohle und Tierknochen, die sie dann als „Überreste großer Opferfeste“ ehrfurchtsvoll nach Hause trugen. Wie aber das Heiligtum während seines Bestehens wirklich ausgesehen hatte, blieb der Phantasie des Besuchers sich auszumalen überlassen. Niemand glaubte auch an die Möglichkeit, jemals wirkliche Spuren von alledem zu finden! Denn: alles war doch nur Holz und mußte längst bis auf den Grund verfault sein.

Grundriß von Arkona

Mit diesem übel angebrachten Sichzufriedengeben hat die neue vorgeschichtliche Arbeitsweise gründlich aufgeräumt. Während der Ausgrabungen am römisch-germanischen Grenzwall, dem „Limes“, haben wir gelernt, mit aller Glaubwürdigkeit die Spuren altertümlicher Gebäude in der unter dem Boden befindlichen Muttererde genau zu erkennen. Jeder Pfosten und jeder in die Muttererde eingedrückte Balken hinterläßt nämlich in derselben eine Vertiefung, die mit schwarzer, lockerer Erde, den Fäulnisstoffen, angefüllt ist und sich in der helleren Muttererde noch nach Jahrtausenden deutlich feststellen läßt. Auf diese Weise gelang es, den Plan der

[1] In Wirklichkeit ist **Swark** altsächsisch und kommt schon im Heliand vor; ebenso das davon abgeleitete **biswerkan**, „den Himmel verdüstern“. Immerhin ist indogermanische Verwandtschaft mit den slawischen „**Suarosicy**“ möglich.
Schriftleitung

großen römischen Befestigungen am Rhein (Neuß, Xanten) und an der Lippe (Haltern, Oberaden) mit allen Bauten ganz genau festzustellen. —

Im Besitze dieser Ergebnisse untersuchte nun Schuchhardt im Jahre 1919, gewissermaßen als Auftakt, die Rundwälle bei Reetz im Kreise Arnswalde genauer und fand die bereits erwähnten Ergebnisse. Mit seinem Freunde, dem Babylonforscher Robert Coldewey, und seinem Sohne ging er dann im Jahre 1921 an die Freilegung des bekannten Arkona. In seinem Bericht an die Preußische Akademie der Wissenschaften sagt er über den jetzigen Zustand Arkonas:

„Die Burg bildet heute ein Dreieck mit der Spitze nach Osten, der Basis nach Westen. Die Basislinie hat die stattliche Länge von 190 Meter. Die Breite von Osten nach Westen beträgt 125 Meter. Die Spitze im Osten ist eine hohe, ebene Fläche. Von ihr aus senkt sich gen Westen hin das Terrain bis zum Wall um 6,5 Meter. Die Burgfläche liegt 40 Meter über der Ostsee.

Die Absturzwände am Ostrand zeigen im südlichen Teile die kahlen Kreidefelsen in imposantem Aufbau. In dem nördlichen Teile ist der Abfall zunächst gelinder und wird erst für die letzten 15 Meter steil. Hier fließt auch heute noch die von Saxo erwähnte Quelle, die durch zwei Brunnen wieder erbohrt ist und in der ersten Leuchtturmzeit der kleinen Kolonie Arkona das Wasser lieferte.

An dem Wall im Westen ist der ehemalige Außengraben heute kaum noch zu erkennen. Innen zieht aber eine breite Mulde am Wall entlang, wie öfters bei slawischen Burgen, aus der ein Teil des Materials zum Wallaufbau entnommen ist."

So also sah das Gelände aus, auf dem nun der Spaten angesetzt wurde. Bald stießen die Suchenden auf eine Kulturschicht, und es ergab sich, daß „ein breiter Gürtel von Wohnhäusern an der Wallseite die Burg besetzt gehalten hatte". Kenntlich war diese Kulturschicht, wie das bei solchen Siedlungen stets der Fall ist, durch schwarze Färbung des Bodens. Und in dieser Schicht fanden sich Scherben, Tierknochen und sogenannte „Lehmstacken", d. h. hartgebrannter, mit Stroh durchkneteter Wandbewurf aus Lehm. Hin und wieder kam geringes Eisengerät zu Tage, so eine ganz einfache Pfeilspitze und anderes mehr. Aber von irgendwelchem Edelmetall fand sich bei der ganzen Grabung auch nicht eine Spur. Sehr erklärlich: die Zerstörer hatten eben „ganze Arbeit" gemacht. —

Nun hatte man schon die Häuser, wahrscheinlich bewohnt von den Priestern und der zeitweilig 300 Mann starken Besatzung. Dann kam eine breite Fläche, frei von jeder Kulturschicht. Es war der Platz, auf dem sich bei religiösen Festen die Menge sammelte, und endlich der Tempel selbst, kenntlich durch eine Art Pflaster, das sich in einer Länge von 20 Meter von Norden nach Süden zog und und dann an beiden Ecken im rechten Winkel nach Osten umbog. Es war der Untergrund der Tempelfront, und eine genauere Untersuchung seines Aufbaues zeigte, daß er an manchen Stellen sehr dick lag. Drei oder vier Schichten von faustgroßen Feuer- und Granitsteinen befanden sich übereinander und die Breite dieser Schicht betrug zwei Meter. Nun wurde die Grabung in den Tempel hineingeführt, um zu sehen, ob etwa auch die vier Pfosten um das Idol, von denen Saxo spricht, sich finden ließen. In der Tat war das der Fall, und zwar in Gestalt von Fundamentierungen, wie wir sie für die Außenwände des Tempels kennengelernt hatten. Die Steinpackungen bildeten für die Pfosten quadratische Flächen von 1,5 Meter Seitenlänge und bildeten ihrerseits wieder ein Quadrat von 6,5 Meter, das sich im selben Abstand von 1,5 Meter in den Außenwänden des Tempels hält. In diesem inneren Quadrate, dem Allerheiligsten, hat man denn nach Standortspuren des Swantewitbildes gesucht. Sie wurden ebenfalls gefunden, und zwar nicht in der Mitte des Quadrates, sondern mehr nach der Rückwand zu. Hier also hatte das riesige Holzbild des Swantewit, tief in den Boden gerammt und mit Steinen festgekeilt, gestanden, so daß bei der Zerstörung,

wie Saxo berichtet, die Beine über dem Boden mit Äxten durchhauen werden mußten, wobei das riesige Bildwerk, die Rückwand durchschlagend, niederfiel. Heute wäre es in die Tiefe gestürzt, denn der von Jahr zu Jahr weitergehende Abbruch des Steilufers hat bereits den Tempel erreicht und die Rückwand ist schon verschwunden. Es war also höchste Zeit, daß die Untersuchung geschah. Aber nun konnte der Grundriß des Tempels gerade eben noch festgestellt werden. —

Die Ausgrabungen in Arkona mußte man selbstredend wieder zuschütten, wie immer bei solchen Gelegenheiten, da man es ja nicht mit feststehenden Mauern zu tun hat, und das Ausgegrabene schnell verwittert und verweht. Der gefundene Tempelplatz wurde aber durch Pfähle markiert und an der Stelle, da das Bild gestanden, eine Tafel mit der Inschrift errichtet: „Hier stand Swantewit in seinem Tempel!"

So war es denn gelungen, zum ersten Male auf deutschem Boden die Grundlagen für den wissenschaftlichen Wiederaufbau eines altslawischen Tempels zu schaffen. Und wie großartig muß dieses alte Heiligtum gewirkt haben. Auf der höchsten Stelle der Burg stand der Tempel. Von ihm aus senkte sich langsam das Gelände zum Wall. Von jeder Stelle des Innern konnte man genau sehen, wie der Priester, wenn er den Gottesdienst verrichtete, aus dem Tempel trat, das große Horn des Gottes in der Hand, wie er es mit Met füllte, auf einen Zug leer trank, sich dann zu dem Volk wandte, es ermahnte, weissagte und begeisterte! —

Arkona ist im Jahre 1168 durch die Hand der Dänenchristen gefallen, als letzter Hort des Slawentums in Norddeutschland. Genau 100 Jahre dauerte seine Herrschaft in diesem Bezirk, die durch Erbschaft aus dem alten großen Heiligtum übernommen war, das auf dem Festlande, inmitten des Lutischen Volkes, bestanden hatte. Und das war Rethra, im Lande der Redarier, dem heutigen Mecklenburg-Strelitz!

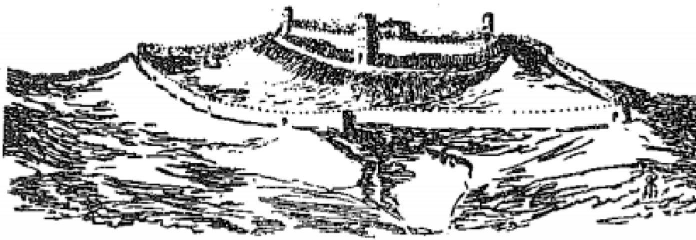
Rethra war, wie Arkona später, der Mittelpunkt der Priesterherrschaft mit dem berühmten Orakel, das seinen Einfluß weithin ausdehnte und die Geschicke der Völker lenkte. Es war der Kriegstempel aller Wenden, d. h. aller slawischen Völker zwischen Elbe und Oder. Ihre Feldzeichen wurden in Rethra aufbewahrt. Von ihm aus wurde das politische Leben des Landes gelenkt, die Kriegs- und Friedensfrage entschieden. Nicht nur vereinzelt ordnete man hier die Erhebungen der Slawen gegen die germanische Herrschaft, wie um 783, da Mistiv, der Obotritenfürst, seinen Rachezug gegen die Deutschen antrat, oder 1066, da das Schloß des Erzbischofs, Mikilinburg, genommen, Erzbischof Johann gefangengenommen, nach Rethra gebracht und dem Kriegsgotte geopfert wurde. Nein, alle großen allgemeinen Slawenaufstände gingen von Rethra aus! —

Aber wo lag nun dieses berühmte Rethra?

Schon im Jahre 1519 begann einer der Professoren der Universität Rostock die Suche nach diesem einst so mächtigen Heiligtum, dessen Name sich nicht einmal in dem Lande erhalten hatte und dessen Lage keine Volkssage kündete. Eine gute Beschreibung der äußeren Ansicht Rethras gibt Thietmar von Merseburg, eine schlechte Adam von Bremen. Die Gelehrten folgten, wie das so zu geschehen pflegt, dem Schwätzer Adam und — gingen 400 Jahre in der Irre!

Thietmar, der im Jahre 1017 starb, war ein sehr erfahrener Mann seiner Zeit. Aus dem Grafengeschlecht derer von Wahlbeck an der Aller stammend, befand er sich von Kind auf den Slawen nahe. Als Bischof von Merseburg mußte er besonders gut über die Missionstätigkeit in den slawischen Ländern unterrichtet sein. Und als Freund Kaiser Heinrichs II. nahm er an einigen Feldzügen gegen die Polen teil, während derer unter den Hilfsvölkern des Kaisers auch die Redarier fochten. Gerade bei der Beschreibung eines dieser Feldzüge erwähnt Thietmar gelegentlich der Beschreibung der slawischen Hilfsvölker und ihres Kultes auch die Burg Rethra.

„Rethra", sagt er, „im Bezirk der Redarier ist ein dreihörniges Schloß, das im Osten

Das „dreihörnige" Rethra

an einen See stößt, im Westen aber von einem mächtigen Walde umgeben ist. Von den drei Toren ist das kleinste nach Osten zu dem See gerichtet."

Nach Adam von Bremen war die Burg von allen Seiten von Wasser umgeben und nur ein Zugang führte zu ihr von einer hölzernen Brücke aus. Auch besaß sie neun Tore.

In der Wissenschaft bringen Halbheiten gewöhnlich Schaden. Hat man eine gute Quelle endlich gefunden, so soll man lediglich aus ihr schöpfen und alles andere fortwerfen. Während sich die meisten, nach Adam von Bremen, Rethra als eine Insel vorstellten, Thietmars „trikornis" als drei Landspitzen derselben auslegten und nun in allen mecklenburgischen Seen vergeblich nach dem alten Heiligtum suchten, fand Schuchhardt eine andere und, wie sich später herausstellte, die richtige Auslegung der Beschreibung Thietmars: Zur Zeit Thietmars bedeutete „Urbs" ein befestigtes Schloß und nicht etwa eine Stadt oder einen Bezirk. Und wenn Thietmar von einer „dreihörnigen" Burg spricht, so folgerte Schuchhardt, ist unter „Cornu" nichts anderes zu verstehen als ein hoher Turm über einem Tor. Denn „tricornis" bedeutete weder im klassischen noch im alterlichen Latein „dreieckig". Das Dreieck wurde mit „triangulus", wohl auch mit „trigonus" bezeichnet. Dazu wendet Plinius den Ausdruck „tricornis" gelegentlich auf Ochsen an, die zufällig drei Hörner besaßen. Thietmar, dem es nicht an Scharfsinn mangelte, gebrauchte daher diesen Ausdruck ebenfalls für die „dreitürmige Burg", die ja von weitem „dreihörnig" aussehen mußte. —

Nachdem sich Schuchhardt so über das Aussehen des alten Heiligtums klar geworden war, auch darüber, daß die Burg jedenfalls hoch gelegen habe und weithin sichtbar gewesen sein mußte, überprüfte er alle Orte Mecklenburgs, die nach seiner Ansicht für die Lage der Burg in Frage kommen konnten, und entschied sich endlich für den sogenannten „Schloßberg" bei Feldberg.

Eine sofort vorgenommene Besichtigung ergab, daß der Berg im Osten an den großen Luziner See stößt und im Westen noch heute durch einen Waldgürtel begrenzt wird. Fer-

Der „Schloßberg"
bei Feldberg

Schloßberg
mit Luzinersee

ner fand er, daß der obere flache Teil des Schloßberges, der an Ausdehnung alle anderen slawischen Siedlungen weitaus übertrifft, von einem Ringwall umgeben war, in dem sich sofort zwei Tore feststellen ließen, eins an der nördlichen und eins an der südlichen, schmäleren Seite. Das dritte hoffte er bei der Ausgrabung zu finden, zumal die Ähnlichkeit der Anlage mit der von Arkona unverkennbar war.

Im Oktober 1922 begann die Freilegung. Sie schaffte tatsächlich das dritte fehlende Tor zutage, das auffällig groß erschien. Es begann am Fuße der Festungshöhe, zog sich nach oben und endete im Inneren des Festung. Es besaß eine Länge von genau 20 Meter, eine Breite von 4 bis 4,5 Meter. Diese Maße konnten mit großer Genauigkeit festgestellt werden, weil das Fundament aus großen Kieselsteinen bestand und sich in einer Höhe von einem Meter erhalten hatte.

Während der Freilegung mußte man an dieser Stelle in schwarzem, verkohltem Schutt graben, der eine Dicke von einigen Metern aufwies und unzweifelhaft durch die Verbrennung des hölzernen Turmes über dem Tor entstanden war. Derselbe schwarze Schutt fand sich auch in den anderen beiden Toren. Das nördliche Tor war ebenso breit wie das westliche, nur nicht so lang, etwa 6 bis 8 Meter. Aber das Osttor gab einen unerwarteten Aufschluß. Es besaß nur 5 Meter Länge und eine Breite von 1,45 Meter. Auf dieses Tor beziehen sich folglich die Worte Thietmars:

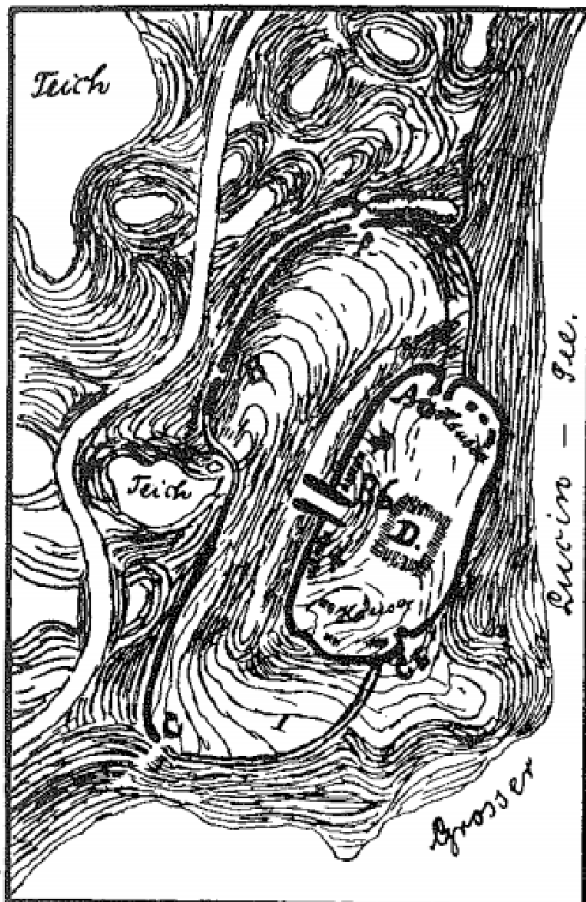
„Tertia porta que minima est, orientem respicit et tramitem ad mare iuxta positum monstrat!"

(„Das dritte, das kleinste Tor geht nach Osten und zeigt den Weg zu dem in der Nähe befindlichen See!")

Die Nachforschungen nach dem Tempelplatz verliefen weniger günstig. Auf der südlichen Höhe, dem höchsten Punkt der Anlage, wie auf dem nördlichen flachen Teil fand sich nichts. Aber mitten in der Anlage, in der Fluchtlinie des großen Tores, stieß man endlich auf eine geglättete, mit Steinen ausgelegte Stelle. Und es läßt sich sicher annehmen, daß hier der Tempel gestanden hat.

In den Slawensiedlungen sind die Wohnhäuser entlang des Walles belegen und lassen in der Mitte, wie schon bemerkt, einen freien Platz. Auf dem Schloßberge war das ebenfalls der Fall. In der Nähe des Ost- und Westtores fanden sich Hütten, zwei besonders große Häuser. Jedenfalls sind das Überreste von Priesterwohnungen und Wächterunterkünften, auch mag hier der kostbare Tempelschatz aufbewahrt gewesen sein, von dem Saxo Grammatikus besonders Erwähnung tut.

Die obere Festung, die Akropolis Rethras, besaß eine Länge von 115 und eine Breite

Grundriß von Rethra

von 45 Meter. Sie lag auf der Höhe 36 Meter über dem Spiegel des Luziner Sees, also nur wenige Meter tiefer als Arkona über dem Spiegel der Ostsee. Die ganze innere Einrichtung des Heiligtums und seine schlagende Ähnlichkeit mit Arkona wird besonders dann auffallend, wenn man von dem Außenwall die Lage überblickt. Dieser achtunggebietende Wall hat sich verhältnismäßig gut erhalten. An der dem Graben zugekehrten Seite findet man an einzelnen Stellen noch die steinerne Außenseite. Auf dem Wall stand sicher eine Mauer aus Holz und Lehm, gleich jener, die die Akropolis umgab. In dem Außenwall befinden sich ebenfalls drei Tore, die etwa den Toren des Innenwalles entsprechen. Der Platz zwischen den beiden Mauern der Rethra-Anlage entspricht dem Festplatz in Arkona, nur ist er ganz bedeutend größer. Tausende von Menschen konnten in Rethra zusammenströmen und von jedem beliebigen Platz aus vermochte man auch hier den Tempel zu sehen.

Rethra ging genau 100 Jahre früher unter als Arkona, wie durch die Ausgrabungen festgestellt worden ist. Bis dahin hat man das Jahr 1151 als Untergangsjahr Rethras angenommen. Die gefundenen slawischen Scherben, deren Zeit man beinahe mit derselben Genauigkeit bestimmen kann wie den Zeitpunkt der Münzen, reichen nur bis in die Mitte des 11. Jahrhunderts. Zu jener Zeit (1068) unternahm der Bischof Burkhard von Halberstadt als Heerführer des jungen Heinrich IV. einen großen Rachezug gegen die verhaßten Slawenländer, wegen des Aufstandes um 1066, der Ermordung des Bischofs Johann und der Zerstörung seines Schlosses Mikilinburg.

Burkhard drang bis zur Wurzel des Übels vor und verbrannte Rethra bis auf den Grund. Das große heilige Roß führte er aus dem Heiligtum und kehrte auf diesem, zur Beschimpfung des heidnischen Glaubens, an der Spitze seines Heeres nach Sachsen zurück.

Diese Unterwerfung Rethras war ausschlaggebend. Die Bezirke der Redarier und Tollenser Slawen gehörten von dieser Zeit an nicht mehr dem Lande der Lutischer an. Jener Tempel, dessen Zerstörung nach den Urkunden um 1151 erfolgte, war nördlicher gelegen, jenseits der Peene in Lutzkowe, in dem Lande der Zirziganer. Otto, der Babenberger, der in den Jahren 1123/24 und 1128 seine Missionsfahrten zu den Pommern und Lutischern ausführte, kennt weder Rethra noch die Redarier mehr, so wie sie auch die Berichte über den Kreuzzug der Sachsen gegen die Slawen im Jahr 1147 nicht mehr erwähnen.

Im Norden, zwischen Peene und Ostsee, unter den dort lebenden Zirziganern, wurden im Jahre 1151 vom Grafen Adolf von Holstein und Niklot, dem Obotriten, Kreuzzüge unternommen und gelegentlich dieser dann Gutzkow zerstört und nicht Rethra.

Der Spaten des Archäologen hat in diesen alten historischen Streitfragen entschieden.

Das durch ihn geschaffene Bild der großen Slawenheiligtümer liegt nicht nur klar und deutlich vor uns, erfreut uns an sich, sondern es weist uns auch auf die Bahnen zu weiteren erfolgreichen Forschungen.